

— Цу-чан, вставай! — я проснулась от того, что меня трясли за плечо. Стоило сонно распахнуть глаза, как передо мной предстало лицо мамы.

Зевая, я мазнула взглядом по комнате. Меня встретил знакомый бардак, разбросанные тут и там книжки и диски, наваленная на стул одежда. Всё как всегда, вот только...

Я схватилась руками за грудь, сжимая ночную рубашку в области сердца. Мои губы предательски дрожали. В голове крутилась последняя минута моей жизни, когда моё сердце отказало. Я до сих пор чувствовала, как что-то внутри сердца оторвалось с отвратительным звуком. Это был клапан? Или что?

Меня всю трясло. Умирать случайно оказалось не так жутко, когда собственное тело отказывает тебе. Я никогда не забуду это чувство. Если мне удастся выбраться из этого дня сурка, то я обязательно начну следить за своим здоровьем.

— ...чан! Цу-чан! — Из мыслей меня вырвал обеспокоенный голос мамы. Я подняла на неё лицо, и мама спросила: — Ты как? Плохо себя чувствуешь? Что-то болит?

Я смотрела на маму. Знакомое лицо овальной формы, короткие тёмно-каштановые волосы, добрые карие глаза. Это моя мама. Та, кто мне дала жизнь.

— Мам, я тебя люблю, — сорвалось с моих губ быстрее, чем я сообразила.

Мама мгновение разглядывала меня с ярко выраженным испугом на её хорошеньком лице, а затем морщинки разгладились.

— Я тебя тоже, милая. Ты — моё сокровище. Но не переводи тему. Всё хорошо?

Я кивнула.

— Плохой сон, не обращай внимания.

— Точно? — Она недоверчиво окинула меня взглядом.

— Точно-точно.

— Тогда умывайся. Завтрак уже готов и ждёт тебя на столе. — Мама отстранилась от меня и зашагала к двери.

Когда она ушла, то мои руки непроизвольно легли на грудь. Сердце под прижатой ладонью билось часто-часто, как шальное. Но это — моё сердце. Сейчас моё. Но что тогда произошло

вчера в 19:22? Откуда была стенокардия? Выглядело как приступ, но я только недавно проверялась, и у меня всё в порядке со здоровьем и сердцем в частности. Могла ли я заболеть внезапно?

19:22

У меня нет желания ещё раз проходить через смерть после остановки собственного сердца, так что я не стану проверять теорию. Но допустим... На миг допустим, что мой крайний срок — 19:22, и если я не попадаю в аварию или ещё как не умираю, то наступает приступ стенокардии?

Я выбралась из одеяла и опустила голые стопы на ковёр.

Почему кто-то вроде меня должен через всё это проходить? Я же не супергерой какой. У меня нет ничего за душой. Я совершенно обычная. Во мне ничего нет. Так почему?

Я вышла из комнаты и отправилась в ванную. Из зеркала на меня смотрела утомлённая жизнью Савада Цунаёши с синюшными кругами под глазами и бледным лицом, точно я — мертвец. А что, хорошее сравнение. Всё же, это уже пятая попытка, а в предыдущие четыре я умерла. Да я прям зомби.

Тряхнув головой, я спустилась вниз по лестнице и не упала. Шаги давались мне тяжело, я еле-еле передвигала ногами. Неужели ради счастья нужно так страдать? Вся былая радость дня предыдущего была как языком слизана, но перед глазами через раз мелькала потрясающе открытая улыбка Такеши.

На столе меня ждали яичница с беконом и тост с джемом. Мама поставила передо мной чашку с кофе — она знала, что я не спала полночи. Еда мне показалась безвкусной, похожей на картон. Кофе был слишком горьким и отвратительным, но я всё равно поблагодарила маму за завтрак.

Чуть позже мама зашла ко мне в комнату и принялась заплетать мне очередной «колосок». Мелькнула идея попросить заплести мне что-то другое, но я отбросила эту мысль. Если честно, то мне всё равно. Но нет, мне не всё равно. Просто я — тряпка-чан, безвольная неудачница.

— Цу-чан, готово, — оповестила меня мама и подала мне зеркало.

Я взяла его в руки. Из отражения на меня смотрела незнакомая мне девочка с каштановыми волосами, собранными в идеальный «колосок».

— Цу-чан, ты точно в порядке? Ты сегодня странно себя ведёшь.

Я взяла кончик «колоска», которым и заканчивалась коса, и пощекотала себе нос, вглядываясь

в отражение. Девочка повторила мои движения.

— Хорошо, если не хочешь говорить — не надо. Одевайся тогда, — она поднялась с кровати, — а то опоздаешь в школу. Только зайди в медпункт, ладно? Я волнуюсь.

Дверь за мамой закрылась. Внутри меня была пустота. Разве так себя должен чувствовать человек, борющийся за своё счастье? Меня снедала усталость. Неужели четыре смерти так выматывают? Сложный вопрос, который никому и не задашь.

Школьная форма привычно висела на вешалке. Слишком привычно.

Я подошла к шкафу, снимая с ручки вешалку, и вернулась с ней к кровати. На стуле в ворохе одежды лежат чистые трусики и лифчики. Меня чуть ли не выворачивает с вида нижнего белья, попадающего под руку. Я долго ковыряюсь в ворохе, но таки нахожу малиновый комплект с шёлковой вышивкой, вот только отчего-то мне показалось, что я уже не в первый раз пытаюсь спастись от разнообразия.

Форму надеть не составляет труда. Оглядывая себя в зеркале, я задержала взгляд на юбке до колена, как того и требовали правила. Мешковатый жилет, который должен уравнять всех учениц, повязанная бабочка. И от этого вида меня тошнит.

— Кто ты? — в ужасе спрашиваю я у отражения, но никто мне, конечно же, не отвечает.

Со злости я срываю бабочку и отбрасываю её в сторону. Жилет летит на пол, когда я срываю его через голову. Скрипя зубами в странном припадке отвращения, мною были расстёгнуты целых три пуговицы на рубашке так, что стало видно малиновый лифчик и ложбинку между грудей. Юбку я подворачиваю до мини-юбки, как и большинство школьниц, сверху опуская края рубашки, чтобы не было видно отворот. Жилет — к чёрту. Из шкафа я достала чёрную толстовку с капюшоном и, не застёгивая молнию, надела её вместо школьного джемпера.

Увиденное мне очень понравилось. Придирчиво оглядев себя со всех сторон, я стянула с ног гольфы и надела короткие белые носки, и уж после этого осталась довольна.

Сумку я послала к чёрту. Из кладовки был любовно выужен рюкзачок, куда побросала тетради и всякую мелочь, выгребая её из школьной сумки. Закончив, я вышла из комнаты и спустилась вниз по лестнице, перешагивая через ступеньку.

— Цу-чан, это... Подростковый бунт? — приложив палец к подбородку, удивлённо спрашивает у меня мама, встречая меня на лестнице.

— Запоздавший школьный дебют, — хихикаю я в ответ, и беру протянутый мне бенто, запихивая его в один из отделов рюкзака.

— Только не переборщи, ладно?

— Завтра попрошу у тебя косметичку, — отшучиваюсь я, целуя маму в щёку.

— Ох, Цу-чан... Вот пожалуйсь я на тебя отцу, и он мигом сократит твои карманные деньги...

Я уже шла в прихожую. Туфли были мною проигнорированы. Я достала свои любимые оранжевые кеды и натянула их на ноги. Мама стояла позади меня, и её взгляд так и чувствовался. Когда я завязала шнурки и обернулась, то она одарила меня тёплой улыбкой.

— Что бы у тебя не произошло — всё будет в конце нормально, Цу-чан, — сказала мне мама.

Вот уж не знаю. Такое ощущение, будто не пятый повтор, а целая вечность.

— Я ушла, — буркнула, открывая входную дверь, услышав вслед:

— Хорошего дня.

Кеды шуршали по вымощенной серым камнем тропинке до самой калитки. Лепестки сакуры были и у нас во дворе. Они вновь были везде. Везде сакура, сакура, сакура... Везде она — сакура.

Чёртово двадцать девятое апреля.

Коса слегка постукивала меня по спине, отмеряя в меру быстрые шаги. Люди шли мне навстречу. Некоторые, замечая мой вид, смотрели с неодобрением, но мне было плевать. Всё равно вряд ли я сегодня решу свою проблему, даже если Хаято подскажет мне причину происходящего.

Я не то, чтобы боялась опоздать. Наоборот я хотела опоздать и спровоцировать Кёю. Такеши же придёт мне на помощь?

Стоило вспомнить о моём однокласснике, как сердце отдалось учащённым биением. Дома думать о Такеши было проще, но с каждым шагом, приближающим меня к школе, душа начинала петь.

Впереди замаячил школьный забор. Вместе с другими учениками, с удивлением поглядывающими на меня, я убрала руки в карманы толстовки и направилась прямо к воротам. У меня за спиной зашептались ученики.

— А ну стой, жалкое травоядное! — остановил меня на входе Кёя.

Я послушно остановилась, не вынимая рук из карманов. Для полноты образа мне не хватало надутого пузыря жвачки.

— Что случилось? — в недоумении наклоняя голову вбок, спросила я у Кёи.

Моя форма отнюдь не в порядке. У меня видно лифчик, рубашка не застёгнута, сверху толстовка, а юбка по школьной моде подвёрнута, чего раньше я никогда не делала.

— Тебя жизнь ничего не учит?

— Насчёт чего? — спросила я, строя из себя дурачку.

Мимо прошли ученики. Я буквально чувствовала устремлённые на себя взгляды. Остальные члены Дисциплинарного комитета уже не проверяли других учеников, в панике наблюдая за нами. Я, мягко говоря, нарывалась.

— Кто-то стал слишком смелым? — Серые глаза смотрели на меня с прищуром.

— Вовсе нет.

Всё же, мне не хватает жвачки. Надо будет не забыть её завтра.

— Мало того, что по школьным правилам нельзя красить волосы, так ты ещё распутничаешь, — нависая надо мной, отчеканил Кёя, смотря на меня недобро так.

Я и сама не знала, откуда у меня эта смелость. Сперва утром меня сковало от боли в сердце, пережитой недавно при смерти, а сегодня я веду себя так, словно мне всё надоело и я ничего не боюсь. Будто я...

Меня бросило в холод от осознания.

...Будто это вовсе не пятый день цикла повторов.

— Есть, что сказать в своё оправдание? — не дал мне как следует просмаковать эту мысль Кёя, хватая меня пальцами за подбородок и заставляя смотреть прямо в глаза.

— У меня были от рождения каштановые волосы. Хочешь проверить? — усмехнулась я ему прямо в лицо, чувствуя до боли сжавшие мой подбородок пальцы. — Знаешь, — вытащив из карманов толстовки руки, я взяла руку Кёи и положила себе на бедро на грани проникновения под юбку, — там они такого же цвета. Ну, так что скажешь?

Я увидела удивление, мелькнувшее в серых глазах, и дёрнувшиеся мышцы скул.

— Ребят, вы уверены, что стоит устраивать это цирк... прямо тут? — Мне на плечо легла знакомая, обжигающе тёплая ладонь, и меня как током прошибло.

Такеши рывком смахнул пальцы Кёи с моего подбородка и потянул в сторону.

— Савада Цунаёши, я занесу это в твоё личное дело? — мазнув по мне странным взглядом, обронил Кёя, и отошёл в сторону, отвлекаясь на других учеников.

— Пойдём отсюда? — Такеши потянул меня в сторону школы, и я послушно поплелась следом, улыбаясь как последняя дура.

Только пошли мы не по дороге, а к внутренней части забора и ближайшему дереву. Прежде чем я успела среагировать, Такеши коснулся ворота моей рубашки, и принялся застёгивать пуговицы. Подняв голову вверх, я отметила выступивший у него на щеках румянец, чувствуя, как тело отзывается трепетом внизу живота, чего я раньше никогда не ощущала.

— Я понимаю, что ты девушка из Токио, а не нашей глуши, но воздержись от такого... вида. Ладно? — закончив с моими пуговичками, Такеши сложил вместе руки, точно в молитве, и подмигнул. Вот только лёгкий румянец на щеках выдавал его с потрохами.

— Почему? — Мне было важно задать этот вопрос.

— Ну... — он замялся, — это неприлично?

У меня было будто помутнение рассудка. Я переставала понимать себя и происходящее. Мне просто захотелось это сделать.

Потянувшись, я встала на цыпочки и взяла его за грудки, потянув на себя. Такеши, удивлённо хлопая глазами, был вынужден нагнуться, и тогда я жадно впилась губами в его губы, раздвигая их языком. Но он был против этого. В следующее мгновение Такеши отстранился от меня и, весь красный, как краб, накрыл свой рот ладонью.

— Зачем?.. Тебе всё равно с кем?..

— Почему ты так решил? — опускаясь обратно на пятки, я чуть нагнулась, глядя на него исподлобья.

— Боже, Цуна! Ты сперва предложила Хибари проверить... ну... То, что у тебя между ног, а сейчас целуешь меня! Это ненормально!

— Да? — действительно удивляюсь я и зависаю.

Нормально — это как? Я делала что-то не так? А как надо?

— В общем, постарайся быть осторожной, ты же девушка! — себе под нос пролепетал Такеши и, прежде чем я успела его остановить, он помчался к школе. Как раз прозвенел звонок на урок.

Глядя уносящемуся прочь Такеши, я пребывала в раздумьях. Взгляд опустился на застёгнутую рубашку, в то время как сердце учащённо билось. Я коснулась запястья, проверяя пульс, и верно. Как минимум восемьдесят ударов.

Я подняла голову вверх, глядя на яркую синеву неба без единого облачка. Вокруг меня ветер разносил лепестки, кружа их в затейливом танце. Проклятая сакура. Почему-то от одного вида её нежно-розового цвета меня выворачивало наизнанку.

— Отвратительно... — пробормотала я и, развернувшись, побрела к школе.

Меня пожирала усталость.

Я вошла в школу. Остановившись возле огромного стеллажа с ящиками для обуви, и, открыв дверцу своего шкафчика, я вытряхнула сменку, уже зная...

...Что на меня смотрит Хаято. Во взгляде было столько презрения, в нём можно было купаться.

— Шлюха. Ненавижу баб, а таких, как ты — в особенности, — выплюнул в меня со злостью Хаято.

Я просунула ногу в туфлю-увабаки, думая о том, что обувь с перемычкой мне максимально не нравится.

— Кто-то меня ждал, чтобы сказать о своих сексуальных предпочтениях, да? — отозвалась я и обула вторую увабаки.

— Ч-чего?! — аж взвился Хаято. — Я не ждал тебя!

— Ой ли? — насмешливо спросила я, после чего неспеша убрала кеды в шкафчик.

— Да ты больная! — огрызнулся Хаято, да и был таков. Источая фибры раздражения, он кинулся к лестнице.

А я так и стояла, глядя ему вслед. Внутри меня было пусто. Я точно выжата, словно я — лимон. Во мне нет сока.

— Какая это уже попытка?.. — мутным взглядом гипнотизируя лестницу, произнесла я в пустоту.

Я так и простояла до десяти минут десятого, игнорируя редких опаздунгов, пробегающих мимо меня.

Когда что-то пошло не так? Какая это уже попытка? Когда я...

Цуна, когда ты сломалась?..

Я упала на колени и разрыдалась как дитя. Слезы хлынули из глаз. Меня всю трясло. Грудь сдавливалось от рыданий. Моя душа разрывалась на куски.

Какое это уже двадцать девятое апреля? Ответьте мне. Прошу, нет, я умоляю!

Но мои вопросы так и повисли в воздухе, а я всё рыдала и рыдала, чувствуя, что в глазах лопнули все капилляры.

Едва успокоившись, ещё шмыгая носом, я ползком добралась до лестницы и схватилась за перила. Ноги не держали. Они дрожали, их выгибало под коленями. Я с трудом подтянулась на руках, на миг повисая на перилах, но таки совершила свой первый шаг. За ним последовал и второй, и третий. Десятый. Двадцать пятый.

Сколько раз я вот так поднималась по этой лестнице? Сколько раз собиралась сделать то, что я сейчас собираюсь сделать?

Лестничный пролёт между первым и вторым этажом. Второй этаж. Лестница, ведущая на третий. Взгляд, устремлённый на дверь, выходящую на крышу. Путающиеся мысли. Каша в голове.

Цуна, когда ты сломалась?

Миновав последнюю ступеньку, я отворила дверь и вышла на крышу. Порыв ветра подхватил мои чёлку и вылезшие из причёски волосы, задувая их в лицо. Я закрыла за собой дверь и навалилась на неё, глядя перед собой.

Отвратительно знакомая крыша. Отвратительный сад, разбитый на ней. Отвратительные скамейки, цветы... Всё отвратительное.

Игнорируя дремлющего на дальней скамье Ламбо, я на нетвёрдых ногах подхожу к ограде крыши и хватаюсь за неё пальцами. Сетка стучит после прикосновения и моего веса. Вцепившись в ограду, ощущая, как та прогибается подо мной, я взбираюсь по ней и оказываюсь по другую сторону.

— Эй, ты что удумала?!

Я оборачиваюсь.

Ошарашенно вылупившись на меня, Ламбо стоит в метре от ограды.

— Собираюсь прыгнуть, — зная, что улыбка у меня как у маньяка, всё же улыбаюсь я в ответ.

Ветер бил в лицо, кусая за щёки, поднимая до неприличия юбку, демонстрируя до неприличия откровенное бельё.

— Не делай глупостей. — Ламбо зашагал в мою сторону.

— Стой на месте, — ледяным тоном приказала я.

Запнувшись, Ламбо остановился.

— Остановился. Ты не будешь прыгать?

— Буду, так что отвернись, — улыбаюсь я, а слёзы текут по щекам. — Это не то зрелище, которое тебе стоит видеть.

Я всё ещё не знаю, заперта в дне сурка только я или все. Если нет, то Ламбо не стоит видеть, как я кидаюсь в пропасть. Ведь мы знакомы очень, очень долго. Целую вечность.

— Неужели ты не можешь не прыгать? — Всё отвернувшись и сгорбившись, Ламбо сжимает руки в кулаки.

Прыгать — это страшно. Я вспоминаю этот страх, но благодаря ему я смогу вновь всё начать заново. Я вспоминаю все прожитые дни в этом цикле и понимаю, почему свихнулась. А кто бы не свихнулся, проведя столько лет в повторах?

Мозг пытается убедить меня, что самоубийство противоречит инстинкту самосохранения, но лишь так я смогу перезапустить свою память. Просто так убедить себя, что сегодня пятая попытка, мне не удалось. Придётся заручиться тяжёлой артиллерией, а то меня даже Хаято испугался.

— Не могу, Ламбо. Прости.

И я ныряю в синее небо.

Пролетев вверх тормашками до земли, моя черепушка раскалывается от соприкосновения с землёй, расплёскивая содержимое.

Перезапустись, умоляю! — мелькает последняя мысль, пока расплющенный мозг теряет свою дееспособность, и я проваливаюсь в желанную черноту и неизвестность.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/47222/1128299>